

УДК 94(73)

РАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ КАК ФАКТОР АМЕРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2012 г. **В.В. Согрин***

Институт всеобщей истории РАН, Москва

В статье исследуется роль одной из главных американских ценностей, равенства возможностей, на разных этапах цивилизации США. Восприятие равенства возможностей не было однозначным, а среди его трактовок главными были две: элитарно-консервативная и либерально-демократическая. Первая настаивала на естественно-конкурентном распределении возможностей, вторая утверждала, что равенство возможностей будет гарантировано только при активном участии государства в его поддержании.

Ключевые слова: *равенство возможностей в США, элитарно-консервативная модель, либерально-демократическая модель.*

С момента возникновения США в их национальной ментальности утвердилось своеобразное понимание равенства, которое стало отождествляться с равенством возможностей. Это отличало американскую трактовку равенства от многих других национальных трактовок, например российской. В российской национальной ментальности под равенством традиционно понимается в первую очередь равное обладание материальными благами, а материальное неравенство, тем более его углубление, осуждается. Критика имущественного неравенства неизменно пользовалась и пользуется поддержкой большинства россиян. Другое дело в США – цивилизации, глубоко отличной от российской. Имущественное уравнительство для большей части населения в Америке было неприемлемо всегда, оно считалось социально несправедливым в отношении трудолюбивых и предприимчивых. Главной фигурой американской цивилизации очень рано стал человек, делающий себя сам (*self made man*), полностью ответственный за собственное благополучие.

Но в то же время восприятие равенства возможностей на разных этапах не было однозначным, а среди его трактовок главными были две. Определим их как элитарно-консервативную и либерально-демократическую. Сторонники элитарно-консервативной трактовки среди отцов-основателей США доказывали, что основополагающая американская ценность – свобода – при наличии у индивидуумов разных талантов и способностей будет постоянно углублять имущественное неравенство. Вот суждение Александра Гамильтона: «Совершенно очевидна та истина, что не может существовать ничего похожего на

* СОГРИН Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала «Общественные науки и современность». E-mail: ons@naukaran.ru

равенство во владении собственностью, неравенство же во владении ею есть следствие существования самой свободы.. Различие во владении собственностью уже существует между нами. Дальнейшее развитие промышленности и торговли будет всё более увеличивать эту пропасть» [23, vol. 4, p. 218-219].

Согласно единомышленникам А. Гамильтона, следствием различия талантов и свободы станет не только углубление имущественного неравенства, но и политическое возвышение наиболее талантливых и способных, которые составят элиту, не только экономическую, но и политическую, своего рода *естественную аристократию*. Наиболее рьяным защитником последней в эпоху становления США выступал второй американский президент – Джон Адамс.

Отцы-основатели типа А. Гамильтона и Дж. Адамса исходили из того, что равенство возможностей в условиях верховенства законов и права устанавливается автоматически и регулирующих механизмов для этого не нужно. Иную трактовку давали те американские политики, которых можно отнести к демократическому крылу американской элиты. К наиболее выдающимся среди них в первые сто лет существования Соединённых Штатов можно отнести Томаса Джефферсона (президент США в 1801–1809 гг.), Эндрю Джексона (основатель Демократической партии и президент США в 1829–1837 гг.) и Авраама Линкольна (президент США в 1861–1865 гг.). Они соглашались, что экономическая свобода должна всегда оставаться основополагающей национальной ценностью. Не отрицая её значения, все трое полагали, что она сможет справедливо одаривать индивидуумов только в том случае, если *равенство возможностей* будет гарантировано, а это невозможно без государственного участия, включавшего необходимое содействие нижним социальным слоям.

Как формулировал Э. Джексон, «различия в обществе сохранятся при любом справедливом государственном управлении. Равенство талантов, образованности и состояний не может быть утверждено общественными институтами. Но законы обязаны защищать равное право каждого на пользование господними дарами, изделиями промышленности, всей экономики, как и собственными добродетелями. Когда же эти законы используются для того, чтобы к этим естественным и справедливым благам добавить искусственные различия, даровать титулы, денежные подношения и искусственные привилегии, в результате чего богатые становятся богаче, а сильные – сильнее, то простые члены общества – фермеры, ремесленники и рабочие, у которых нет ни времени, ни средств, чтобы приобрести подобные преимущества, имеют право жаловаться на несправедливость своему правительству» [12, vol. 2, p. 590].

Очевидно, что те, кто родились «фермерами, ремесленниками и рабочими», не обладали *равными возможностями* с теми, кто родились в семьях банкиров, владельцев мануфактур, фабрик и адвокатских контор. Государство, полагали три президента, должно помочь им, создавая и поддерживая *равенство возможностей*. У американского правительства в ту эпоху для этого имелся механизм, дарованный самой природой: оно располагало огромным государственным фондом неосвоенных западных территорий (был создан законодательными актами конца XVIII века. – *В.С.*). Власть, согласно трём президентам, должна была позаботиться о приобщении к владению землёй максимального числа тех, кто от рождения был обделён собственностью. Были и другие меры создания режима равенства возможностей.

Джефферсон, не находивший частной собственности в естественном состоянии, считавший её продуктом общественно-исторического развития*, допускал возможность создания из неимущих белых американцев широкого класса мелких собственников при помощи раздачи им небольших участков земли из государственного земельного фонда. На исходе Войны за независимость Джефферсон предложил американским законодателям проект, согласно которому неимущие граждане наделялись бесплатно земельными участками в 50 акров (1 акр = 0,4 га).

Проект не был одобрен, вместо него американские законодатели в мае 1785 г. приняли иной план, согласно которому земли на общегосударственной территории должны были продаваться участками не менее 640 акров по минимальной цене 1 долл. за 1 акр. Западные земли для нижних слоев оказывались малодоступными, зато для земельных спекулянтов открывались широкие возможности. В 1796 г. федералисты, сторонники А. Гамильтона и Дж. Адамса, располагавшие в течение десяти лет большинством в Конгрессе США, ещё более ужесточили условия приобретения земли из федерального земельного фонда. Минимальный размер приобретаемого участка сохранялся, а минимальная цена за 1 акр повышалась до 2 долл. В конце 1790-х годов партия Т. Джефферсона взяла наконец-то верх в федеральном законодательном органе, и уже в 1800 г. минимальный размер приобретаемого участка был снижен до 320 акров, с четырёхлетней рассрочкой платежа за землю. В 1804 г. минимальный размер участка был снижен ещё больше – до 160 акров. Тогда же был принят закон о преимущественных правах реальных поселенцев (как правило, это были неимущие и малоимущие американцы, самочинно занявшие и обрабатывавшие участки на западных территориях) на приобретение земли из федерального фонда. К 1820 г. минимальный размер участка земли, поступавшего в продажу, снизился до 80 акров, а минимальная цена за акр – до 1,25 долл. Доступ к федеральным землям для представителей нижних слоёв, благодаря усилиям партии Т. Джефферсона, был существенно облегчён.

Дальнейшая демократизация доступа к государственному земельному фонду произошла в годы президентства Э. Джексона. В баталиях с партией вигов, требовавшей, как и их предтечи – федералисты, распродажи государственного земельного фонда на условиях, выгодных земельным спекулянтам, джексоновцам удалось в 1832 г. снизить минимальный размер поступавшего в продажу земельного участка до 40 акров. В 1841 г. был принят федеральный закон, закреплявший за реальными поселенцами преимущественное право на покупку участков, выставленных на аукцион.

Возводя во главу угла своей идеологии и политики концепцию *равенства возможностей*, Джексон и его сторонники проявили настойчивость в его реализации в сфере финансов. После избрания в конце 1832 г. на второй президентский срок, Джексон обнаружил твёрдое намерение досрочно прекратить деятельность Национального банка. Он и его единомышленники доказывали,

* В 1785 г. в письме к Дж. Мэдисону он отмечал: «...земля создана как общее достояние, с тем чтобы человек мог жить и работать на ней» [24, vol. VIII, p. 682]. Когда в начале Великой Французской революции граф Лафайет попросил Джефферсона внести корректировки в подготовленный им проект Декларации прав человека, американский демократ из перечисленных в документе естественных прав взял в скобки только одно – владение собственностью [9, p. 84]. Напомним также, что в Декларации независимости 4 июля 1776 г. Джефферсон, в отличие от Дж. Локка и других классиков Просвещения, не включил собственность в число естественных прав человека, заменив её на *стремление к счастью*.

что финансовая монополия лишала свободного доступа к кредитам и возможности вхождения в мир держателей акций и предпринимателей массы рабочих, фермеров, начинающих дельцов. Выход заключался в её ликвидации и рассредоточении правительственных вкладов между многими банками, как и перемещении финансовой активности из федеральной столицы в штаты.

В конце 1833 г. Э. Джексон дал распоряжение изъять правительственные вклады из банка, что означало крах последнего. Главное позитивное следствие заключалось в резком разрастании «вширь» и углублении финансовой и предпринимательской активности новых предпринимательских слоев. Число банков в США с 1829 по 1837 г. выросло с 329 до 788, а общий объём займов увеличился со 137 млн. до 525 млн. долл. Тысячи и тысячи американцев воспользовались расширившимися возможностями займа для приобретения земель на Западе: их продажа с 1832 по 1836 г. увеличилась более чем в 8 раз [2, т. 1, с. 317].

Джефферсоновец А. Линкольн подчёркивал, что в Америке **труд** стоит выше **капитала** и выступает в качестве главной ценности общества [11, vol. 3, p. 462, 477, 479; vol. 5, p. 52]. Выходцы из нижних слоёв должны были стремиться стать собственниками, а государство должно было помочь в приобретении *стартовых возможностей* за счёт наделения земельными участками из государственного фонда. В платформу партии Линкольна в качестве одного из главных было записано требование бесплатного предоставления простым американцам участков земли уже не в 50 (как планировал Джефферсон), а в 160 акров (64 га) из фонда государственных западных земель. После принятия в 1862 г. самого демократичного не только в американской, но и в мировой истории аграрного закона (гомстед-акт) Линкольн и его партия более чем в полной мере реализовали мечту Джефферсона о бесплатном наделении американцев участками из государственного земельного фонда.

Все эти демократические аграрные меры способствовали тому, что с 1800 по 1860 г. количество самостоятельных фермеров-собственников в США почти в 3 раза превышало численность сельскохозяйственных рабочих. А за пятидесятилетие после Гражданской войны общая площадь ферм выросла с 2,6 млн. до 6,4 млн. акров [7, p. 663, 693.]. Массовое обращение многих американцев при активной поддержке государства в самостоятельных собственников укрепляло демократические стороны капитализма США, расширяло его социальную базу, обеспечивало ему преимущества, которых не было у других обществ западной цивилизации (не говоря уже о недемократических цивилизациях). Капитализм в сельском хозяйстве США развивался более динамично и успешно, нежели, например, в Англии (как и в большинстве других европейских стран). Создавалась и поддерживалась «подвижная граница» между классами.

На рубеже XIX–XX веков свободные государственные земли в США были исчерпаны. Прекратилось использование этого фактора для улучшения стартовых возможностей миллионов американцев, обделённых, в отличие от выходцев из верхних слоёв, социальными и экономическими статусами, дарованными фактом семейного происхождения. Экономическая свобода стала ранжировать людей по классам в соответствии с их предпринимательскими талантами, улыбаясь чаще тем, кто получил стартовые преимущества от семьи. Идеологи верхнего класса, получившие известность как *социал-дарвинисты*, сделали всё, чтобы замолчать этот факт, обрушив на американцев идеологию, согласно которой исключительно сама природа распределяет людей на «более»

и «менее приспособленных» особей, а первые обязаны многомиллионными состояниями исключительно врождённым талантам.

Ряд нуворишей той эпохи, такие, например, как «нефтяной король» Дж. Рокфеллер, были действительно людьми, «сделавшими себя сами» (как правило, прибегая к противозаконным, а то и откровенно преступным методам). Не только социал-дарвинисты, но и яркие писатели творили национальный миф о миллиардерах из простолюдинов. Наиболее талантливым пропагандистом такого представления являлся Г. Элджер, автор более ста романов, воспевавших предпринимательские успехи американцев из социальных низов. Но в исследованиях академической науки, накапливавшей со временем всё больше свидетельств противоположного сорта, это представление было объявлено по преимуществу мифом. Э. Пессен, обобщая данные исследования, отмечал, что нижние социальные слои располагали минимальными возможностями вхождения в национальную элиту новых предпринимателей. В национальной экономической элите последней трети XIX века присутствовало 8% выходцев из рабочего класса, а в экономической элите начала XX века – не более 3% выходцев из бедных иммигрантских и фермерских семей. Правда, картина на местном уровне выглядела для нижнего класса более «выигрышно», но в целом *равенство возможностей*, как и «взаимообмен» между классами, сужались [25, vol. 3, p. 1129-1130]. «Естественный» механизм поддержания *равенства возможностей* не срабатывал.

Факты показывают, что сами нувориши и всё более подчинявшаяся их интересам власть стали активно разрушать *равенство возможностей*, которое, казалось бы, прочно утвердилось в качестве главной национальной ценности. Хотя принципы «естественной» конкурентной борьбы и государственного в неё «невмешательства» являлись в конце XIX – начале XX века безусловными идеологическими заповедями обеих главных партий, на практике политика *государственного невмешательства* соблюдалась только в отношении требований нижних классов. А вот крупному бизнесу, который мог, в отличие от нижних классов, щедро отблагодарить власть за поддержку, активно оказывалось разнообразное содействие. Железнодорожным корпорациям были выделены в высшей степени щедрые земельные гранты. В интересах промышленности устанавливались высокие протекционистские тарифы. В 70–90-х годах XIX века во многих штатах были приняты законы, отменявшие предельные размеры капиталов корпораций, предоставлявшие им право заниматься многими видами хозяйственной деятельности, позволявшие выпускать акции без указания их номинальной стоимости и т.п.

Определённое отступление федерального государства от двойного стандарта в «государственном невмешательстве» произошло только на рубеже 1880–1890-х годов. Тогда в ответ на требования общества были приняты два закона о контроле над деятельностью бизнеса. Но федеральный закон 1887 г. о государственном регулировании межштатной железнодорожной сети был заблокирован судебными инстанциями, а через десять лет после принятия вообще был фактически отменён Верховным судом США. Верховный суд стал главным препятствием и на пути «антитрестовского» закона Шермана, одобренного Конгрессом США в 1890 г. В 1895 г. Верховный суд опротестовал иск против сахарного треста. Разъясняя, как нужно правильно понимать закон, Верховный суд декларировал, что пресекаться могут попытки монополизировать сферу торговли, но не производства. Сахарный же трест был признан производственным объединением. В 1897 г. ещё в одном важном постановлении Вер-

ховный суд США объявил незаконными не всякие ограничения торговли и коммерции, а только их «неразумные» проявления. Задача адвокатов корпораций сводилась теперь к обоснованию «разумного» характера действий крупных корпораций.

В целом, в конце XIX – начале XX века судебная ветвь власти стала главным оплотом политического консерватизма, блокируя первые робкие, а потом и более настойчивые реформаторские маневры законодательной и исполнительной ветвей, а также приспособивая к интересам бизнеса законодательство прежних эпох. Историки практически единодушны в том, что именно судебные интерпретации наполняли в тот период реальным содержанием американские законы, при этом последние испытали порой удивительные метаморфозы. Классическим стал пример 14-й поправки к Конституции США. Одобренная в 1868 г., она провозглашала, что «ни один штат не может лишить кого-либо жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры». Радикальные республиканцы, инициаторы поправки, предназначали её для пресечения попыток властей южных штатов ограничить гражданские и политические права освобожденных негров. В 1870–1890-е годы судебная ветвь использовала эту поправку для того, чтобы пресечь попытки властей штатов, как на Юге, так и на Севере, ущемить права и интересы бизнеса. Позиция Верховного суда США определялась идеологическими мотивами. Первый из них заключался в том, что процветание бизнеса являлось основой процветания Соединенных Штатов в целом, а второй – в том, что интересы бизнеса, а следовательно, и США, будут обеспечены наилучшим образом, если государство в своей экономической и социальной политике будет следовать принципу «невмешательства» в «естественный ход вещей».

Финансовые и промышленные элиты, утвердив своё экономическое превосходство, пытались закрепить его вхождением в политическую власть. Их представители активно баллотировались на депутатские места в Конгресс и законодательные органы штатов, пытались занять как можно больше мест также в исполнительных и судебных органах власти. Согласно авторитетному американскому исследователю, социальные элиты в ту эпоху добились следующего представительства в верхнем эшелоне исполнительной власти и дипломатической службы: в 1861–1877 гг. – 81,1%; в 1877–1897 гг. – 86,8%; в 1897–1913 гг. – 91,7%. Подлинный триумф характеризует их участие в Верховном суде США: в 1861–1877 гг. – 88,9%; в 1877–1897 гг. – 84,2%; в 1897–1913 гг. – 100% [8, vol. 2, p. 320-321].

В составе социальных элит, заполнивших федеральные властные структуры, возобладали представители финансовых и промышленных корпораций. Среди последних больше всего оказалось высокопоставленных менеджеров и юристов корпоративного капитала. С географической точки зрения наибольшего представительства добились штаты Северо-Востока и особенно Нью-Йорк. Представители крупного бизнеса доминировали в верхнем эшелоне в периоды правления как Республиканской, так и Демократической партии. Наиболее притягательным политическим местом для представителей финансово-промышленной элиты стал американский Сенат, властные возможности которого в ту эпоху, по заключению многих историков, оказались наибольшими за всю историю США. В конце XIX века в Сенате заседали 25 миллионеров, почти треть его состава (современники, как и некоторые историки, нарекли Сенат той эпохи «клубом миллионеров»).

Подчинение политических институтов воле верхнего класса ярко проявилось в деятельности политических партий. Обращение политических партий к финансовой поддержке крупных промышленников и финансистов имело место и в предшествующий период, но в последней трети XIX века его масштабы резко возросли (замечу также, что до этого времени крупного корпоративного капитала в качестве ведущего сектора экономики не существовало).

Равенство возможностей, казалось бы, прочно утвердившееся в США в качестве национальной ценности, в результате общественно-исторических перипетий конца XIX века, оказалось под угрозой как в экономической, так и в политической сфере. Обозначившийся олигархический крен заключал тенденцию всевластия крупного капитала. Американский народ и общество смогли заблокировать её в Прогрессивную эру 1900–1914 годов.

Прогрессивная эра и прогрессивные реформы были вызваны к жизни волей активной части всей американской нации, при этом на ведущую позицию в этой активной части в начале XX века вышли городские средние слои. Американские рабочие, социалисты, фермеры также внесли свой вклад в успех прогрессивного движения, хотя их мотивы и устремления обладали спецификой, порой серьёзными отличиями от устремлений городских средних слоёв [5]. Реформаторская часть американской политической элиты, в том числе просвещённые лидеры обеих главных партий – республиканец Теодор Рузвельт и демократ Вудро Вильсон – сначала примкнули к прогрессивному движению, а потом и возглавили его.

Каковы были их мотивы? Укажем на один из главных. В американской политике, как и в экономике, одними из главных оснований были рыночные принципы. Политические партии, формировавшие эту политику, соперничавшие за власть, в качестве важного ориентира имели улавливание максимального количества голосов, гарантировавшего политическую победу. Барометром возникновения кризиса в реализации этой цели являлся переход широких слоёв избирателей на сторону новых партий (в тот период Популистской и Социалистической), отказ от участия в выборах, возникновение массовых движений социального протеста, расшатывание устойчивости как двухпартийной системы, так и власти в целом. Именно такая кризисная ситуация оформилась на рубеже XIX–XX веков. Неудивительно, что в обеих партиях появились лидеры, которые осознавали, что сохранение их позиций на политическом рынке требует необходимых изменений в партийно-политической стратегии, серьёзного обновления предлагавшегося американским массам «политического товара».

К таким прозорливым лидерам относились в Республиканской партии Т. Рузвельт, а в Демократической – В. Вильсон. Т. Рузвельт, став президентом в 1901 г., первым среди национальных лидеров предпринял попытку противостояния олигархическому крену. В 1902 г. его правительство потребовало ликвидации железнодорожной империи «Норзерн секьюритис компани» на основании обвинения в нарушении антимонопольного закона Шермана. Несмотря на все попытки главы империи Дж.П. Моргана договориться с президентом, железнодорожная корпорация была распущена. В период президентства Рузвельта было возбуждено более 40 судебных исков против предпринимательских объединений по обвинению в нарушении закона Шермана. Роспуску подверглось меньшинство из них (наиболее известные ликвидации – табачного треста и нефтяной империи Рокфеллера – были осуществлены уже в 1911 г. во времена президентства У. Тафта). Главные усилия Рузвельта были направ-

лены не столько на ликвидацию предпринимательских объединений, сколько на внедрение разнообразных механизмов по регулированию и согласованию их деятельности с общественными интересами. В частности, создана федеральная комиссия по регулированию железнодорожных корпораций, вызывавших особое недовольство общества. Удалось переломить позицию судов. Если в конце XIX века суды, по сути, приняли сторону корпораций, то в Прогрессивную эру, по заключению авторитетных американских исследователей, «суды пошли на широкое признание полномочий комиссии по фиксации тарифов» [18, р. 614].

После президентства Т. Рузвельта судьба национальных прогрессивных реформ была связана с деятельностью В. Вильсона (годы президентства – 1913–1921). Во время выборной кампании Вильсон обозначил свою реформаторскую программу как *Новую свободу*. Вильсон ещё более настойчиво, чем Рузвельт, подчёркивал, что стремится к реанимации *равенства возможностей* в экономике [32, р. 163, 165–166, 172, 179–180, 192–193, 212–216]. Монополии должны были ликвидироваться. Пытаясь конкретизировать, какое предпринимательское объединение можно считать монополистическим, Вильсон указывал, что к таковым необходимо отнести корпорации, контролирующие более 50% производства и сбыта определённой товарной продукции [10, р. 51].

Президентство В. Вильсона продолжило и завершило политику федеральных либеральных реформ, начатую Т. Рузвельтом. В целом реформаторский итог вильсоновского президентства выглядел достаточно весомо, был намного обширнее рузвельтовских преобразований. Антимонополизм получил воплощение в законе Клейтона. Он расширял и уточнял закон Шермана, в частности, запрещал практику перекрещивающегося директората, что вызвало недовольство крупного бизнеса. На основании этого закона в годы президентства Вильсона было возбуждено около 80 антимонопольных дел, завершившихся в 70% случаев разукрупнением корпораций, а Федеральная промышленная комиссия в тот же период вынесла 224 решения, направленных на пресечение противоправных действий большого бизнеса [10, р. 51]. Среди мер, соответствовавших цели выравнивания возможностей, выделялась 16-я поправка к Конституции США (вступила в силу в 1913 г.), вводившая федеральный подоходный налог. Подоходный налог обладал чертами пропорционального: индивидуальные и корпоративные доходы от 4 тыс. долл. в год облагались налогом в 1%, а доходы свыше 500 тыс. долл. – 6%. В течение нескольких лет он превратился в один из главных источников наполнения федерального бюджета.

Насколько успешными были усилия по пресечению монополистических тенденций и восстановлению *равенства возможностей*? Тенденция монополизации, наиболее явственно обозначившаяся на рубеже веков, в дальнейшем определённо пошла на спад. Новые предпринимательские объединения продолжали образовываться, но ни они, ни старые объединения не могли достичь влияния, которое на рубеже веков приобрели «Стандард ойл» и «Юнайтед Стейтс стил», как и ряд корпораций в других отраслях. «Стандард ойл», самая монопольная корпорация, стала утрачивать позицию безраздельного господства в отрасли ещё до её роспуска в 1911 г. Если к концу XIX века компания Рокфеллера контролировала более 90% нефтепереработки в стране, то в 1904–1907 гг. эта доля сократилась до 84%. Решение Верховного суда 1911 г. повлекло сокращение доли рокфеллеровской корпорации в нефтепереработке до 50%. К началу Первой мировой войны оживление конкуренции наблюдалось и в других отраслях, в которых на рубеже XIX–XX веков, казалось бы, возобла-

дали монопольные компании. Антимонополистические настроения общества, как и попытки властей ограничить откровенно противоправные действия «капитанов индустрии», этому поспособствовали. Ещё одна весомая причина заключалась в потребностях самого экономического развития и эффективности бизнеса. Обнаружилось, что возобладание монополии в «чистом» виде ведёт к снижению её собственной эффективности и вступает в противоречие с потребностями максимизации прибыли. Утверждению «чистой» монополии препятствовали также экономико-политические особенности Америки, например, её разделённость на множество штатов, обладавших часто специфическими интересами и законодательством. Свою роль играла и неискоренимая предприимчивость миллионов и миллионов американцев, готовых начинать и продолжать предпринимательскую активность даже в условиях диктата со стороны промышленных гигантов и опасности быть разорёнными в любой момент. В Прогрессивную эру остановить процесс концентрации и централизации не удалось, но его удалось «окультурить» и совместить с рыночной конкуренцией, субъектами которой были как увеличившиеся количественно корпорации, так и восстанавливавший позиции средней и мелкий бизнес.

Серьёзными были политические реформы Прогрессивной эры, которые способствовали определённому *выравниванию возможностей* разных социальных слоев в воздействии на власть и упрочению политического плюрализма. В 1907 г. Конгресс США одобрил первый федеральный закон о порядке финансирования избирательных кампаний, по которому в этом финансировании запрещалось участвовать национальным банкам и корпорациям. В 1910 г. Конгресс потребовал от депутатов обнародовать источники финансирования своих избирательных кампаний, а в 1911 г. впервые ввёл ограничения на объёмы подобного финансирования. Важнейшей реформой оказалась 17-я поправка к Конституции США (1913 г.), передавшая право избрания сенаторов от legislatur штатов самим избирателям. В результате практика избрания политических боссов и миллионеров в Сенат США посредством подкупа legislatur штатов была пресечена.

Большое количество демократических политических реформ было принято на уровне штатов, одобривших серию законов, соответствовавших концепции прямой демократии. С 1898 по 1918 г. 22 штата внесли поправки в свои конституции, наделявшие рядовых избирателей правом законодательной инициативы и референдума в рамках собственных штатов, причём в 12 случаях избиратели получили право вносить поправки и в конституции штатов. К 1917 г. в 44 штатах были одобрены законы о прямых первичных выборах, предоставлявших самим избирателям право выдвигать кандидатов на различные государственные должности. Правда, речь шла, в основном, о должностях на уровне штатов. Что касается законов о прямых первичных выборах кандидатов в президенты, то они к 1916 г. были одобрены в половине штатов.

Завершающей политической реформой Прогрессивной эры стала 19-я поправка к федеральной Конституции, наделявшая избирательным правом женщин. В 1918 г. 19-ю поправку одобрила Палата представителей, в 1919 г. – Сенат США, а в 1920 г. она была ратифицирована legislатурами штатов.

В период от Первой мировой войны до 1930-х годов в США вновь восторжествовала консервативная трактовка *равенства возможностей*, вполне согласовывавшаяся с философией социал-дарвинизма. Страна была исполнена решимости противостоять внутренней и глобальной «красной опасности» и верила власть вплоть до 1932 г. Республиканской партии. Последняя сотворила

культ свободной конкуренции и полному невмешательству государства и общества в дела бизнеса. Президент США К. Кулидж в знаменитом высказывании о «главном занятии» американцев объявлял бизнес основой жизнедеятельности всего американского народа, а не какого-то одного класса: «Главное занятие американского народа есть бизнес» («*The chief business of American people is business*») [29, p. 313]. *Равенство возможностей* с точки зрения бизнеса заключалось, в первую очередь, в введении плоской шкалы налогообложения доходов и, следовательно, максимальном облегчении налогового бремени верхнего класса. В 1921 г. прогрессивный налог на часть индивидуального дохода, превышавшую 1 млн. долл., был снижен с 66 до 50%, в 1924 г. он был понижен до 40%, а в 1926 г. – до 20%. В эти же годы примерно наполовину были снижены максимальные налоги на наследство и недвижимость.

Таким образом, каждый супермиллионер, среди них и Эндрю Меллон, бесменный министр финансов и автор налоговых законопроектов, ежегодно сберегал сотни тысяч, а то и миллионы долларов, в то время как экономия налогоплательщика из нижнего или среднего класса составляла несколько десятков долларов [20, p. 140; 21, p. 23; 15, p. 57; 28, vol. 1, p. 62.]. Одним из следствий поощрения властью большого бизнеса было то, что в 1929 г. двести крупнейших корпораций сосредоточили в своих руках половину всех корпоративных капиталов нации, 38% всего бизнеса и 20% общенационального богатства. Известные американские экономисты той эпохи утверждали, что сохранение заданных в 1920-е годы темпов концентрации и централизации национальной экономики грозило тем, что к 1950 г. двести крупнейших корпораций могли сосредоточить в своих руках уже 80% корпоративного капитала и 50% общенационального богатства [6, p. 31-40].

В то же время экономика США бурно развивалась, закладывались основы *общества потребления*. Корпорации и массмедиа разнообразными средствами пропагандировали важность и необходимость приобретения каждой семьей «джентльменского набора» – автомобиля, холодильника, стиральной машины и, конечно, собственного дома. Но реально такой возможностью располагали не более 20% американцев – такова была в *десятилетие процветания* численность среднего класса вкупе с верхним. Для остальных 80% была создана развитая система кредита. Долговая задолженность нижнего класса, возжелавшего жить достойно и соответствовать имиджу среднего класса, стремительно росла. В 1929 г. этот «рай для дураков», как назвал один из современников Америку 1920-х, рухнул как карточный домик.

Пришедший к власти на гребне беспрецедентного финансово-экономического кризиса-краха Ф.Д. Рузвельт внёс принципиальное и радикальное нововведение в формулу *равенства возможностей*. Если прежде она означала равенство возможностей в предпринимательской деятельности, то теперь Рузвельт сделал упор на выравнивание возможностей в сфере распределения национального богатства. Причина кризиса, разъяснял президент, заключалась в том, что возникло неприемлемое для стабильного экономического роста противоречие между стремительным увеличением предлагаемых обществу товаров и эгоистическим присвоением *жирными котами* (так обозначались 200 крупнейших корпораций) львиной доли национального дохода. Требовалось резко расширить покупательную способность нижнего класса [27, p. 21, 29, 31-33, 35; 22, p. 150; 26, vol. 1, p. 751-752]. С этой целью государство взяло под свою защиту профсоюзы, и они в течение десяти лет, уверенно побеждая в ходе забастовок предпринимателей, увеличили реальную зарплату рабочих в 2 раза.

Для пенсионеров, безработных, инвалидов была создана федеральная система страховых выплат. Источником государственной помощи нижним слоям были «назначены» доходы верхнего класса. В течение первого срока пребывания Рузвельта у власти максимальный налог на них был повышен с 20 до 60%, в течение второго президентского срока – до 79%, а к середине 1950-х годов достиг 91%. Налог на прибыль корпораций вырос за два десятилетия с 14 до 45%, а на крупные наследства – с 20 до 77% [4, с. 356–394; 3, с. 53–54].

Разрыв в положении разных экономических групп реально сократился, при этом самые богатые американцы понесли наибольшие потери (см. табл. 1).

Таблица 1

Процентная доля доходов разных экономических слоёв в 1929–1950 гг.

Экономический слой	1929 г.	1935–1936 гг.	1941 г.	1950 г.
Нижняя пятая	–	4,1	4,1	4,8
Вторая пятая	–	9,2	9,5	10,9
Средняя пятая	13,8	14,1	15,3	16,4
Четвёртая пятая	19,3	20,9	22,3	22,1
Верхняя пятая	54,4	51,7	48,8	46,1
Верхние пять процентов	26,09	23,73 (1935 г.)	21,89	17,63 (1948 г.)
Верхний один процент	14,50	12,05 (1935 г.)	11,39	8,38 (1948 г.)

Данные первой – пятой строк взяты из: *Encyclopedia of American Economic History* / Ed. G. Porter. Vols. 1-3. New York, 1980. Vol. 3. P. 1116; данные шестой и седьмой строк из: *Historical Statistics of the United States*. Washington, 1976. P. 302.

Впечатляющие результаты в реализации *равенства возможностей* были достигнуты на следующем этапе – в 1960–1970-е годы. Речь идёт, в первую очередь, о распространении его на две крупные социальные группы – чернокожих американцев и женщин*. Федеральный закон о гражданских правах, одобренный Конгрессом США 2 июля 1964 г., запретил расовую дискриминацию во всех местах общественного пользования, включая школы, больницы, транспорт, а также при приёме на работу. Тотальный запрет сегрегации и дискриминации сопровождался созданием нескольких федеральных комиссий, призванных следить за соблюдением закона на практике. Ещё раньше, в январе 1964 г., вступила в силу 24-я поправка к Конституции США, отменявшая избирательный налог, который служил одним из главных препятствий для участия чернокожих американцев в выборах. В августе 1965 г. Конгресс одобрил закон «Об избирательном праве», отменивший ценз грамотности, второе главное препятствие для участия чернокожих в выборах. Гражданские и политические права чернокожих, значившиеся в 14-й и 15-й поправках к Конституции США, были восстановлены**.

В интересах чернокожих стали широко применяться программы «позитивных действий» (*affirmative actions*), одобренные впервые во второй половине

* О причинах и общественно-историческом контексте см.: *Согрин В.В.* Исторический опыт США. М., 2010. Глава VI.

** Поправки были одобрены в конце 1860-х – начале 1870-х годов. В конце XIX века южные штаты ввели избирательный налог и ценз грамотности, отстранившие от участия в выборах более 90% чернокожих избирателей.

1960-х годов. Согласно этим программам, при поступлении на работу, в учебные заведения, конкурсном замещении различных вакансий афроамериканцам выделялись квоты, соответствовавшие их удельному весу в американском населении. Это трактовалось как компенсация за века дискриминации чернокожих белой расой в Соединённых Штатах.

Цифры свидетельствуют, что после 1960-х годов всё больше афроамериканцев стали приобретать статусы, которые прежде им были недоступны: увеличилась их доля среди домовладельцев, бизнесменов, они стали чаще избираться мэрами городов, а их число в Конгрессе США возросло с 13 человек в 1971 г. до 40 человек в конце XX – начале XXI века. Предоставление чернокожим мест на основе принципа «квоты» прослеживалось при приёме студентов в университеты, найме на работу, в том числе при заполнении некоторых престижных профессий. Улучшилось в целом экономическое положение чёрной расы. Среди чернокожих горожан наибольших успехов в приспособлении к требованиям постиндустриального общества добивались женщины. Их вертикальная социальная мобильность выглядит впечатляюще. Если в начале XX века только 2% чернокожих работниц было занято в «беловоротничковых» профессиях, в 1940 г. – 7%, то в 2000 г. таковых было уже 63%. Заработная плата чернокожих работниц относительно белых за 1940–2000 гг. выросла с 40 до 96%. Позитивные изменения в положении мужчин выглядят гораздо скромнее, но и они имеют место быть [17, р. 91-91, 96-97].

В тот же период *равенство возможностей* было в полной мере распространено на американских женщин уже всех рас. Федеральное правительство одобрило программу «положительных действий» для женщин при заполнении вакансий в учреждениях и на предприятиях, имеющих федеральные контракты. Феминистское движение успешно противостояло консервативным кругам, настаивавшим на запрещении абортов. В 1973 г. его позиция была поддержана Верховным судом США. Одновременно феминистки добились широкого правового и морального осуждения укоренённой в веках практики и разнообразных форм «сексуальных домогательств» в отношении женщин. В 1977 г. правовое обоснование пресечения «сексуальных домогательств» было дано Верховным судом США.

Эти и другие правовые меры, направленные на прекращение дискриминации в отношении женщин и предоставление им равенства возможностей в различных общественных сферах, имели следствием повышение их экономических и социальных статусов. Резко увеличилась доля женщин в престижных профессиональных группах. Так, в 1960 г. доля женщин в управленческом слое занятого населения составляла 16%, в 1975 г. – 19%, в 1990 г. – 42%, в 2002 г. – 47%. Удельный вес женщин в «беловоротничковых» профессиях к концу века превысил удельный вес мужчин. Особенно показательны гендерные изменения в банковско-кредитном секторе. Если в начале XX века 95% его служащих были мужчины, то в 2000 г. 69% служащих банковско-кредитного сектора были женщины. В управленческом звене этого сектора женщины также возобладали над мужчинами. В 1970 г. доля женщин среди банковских управленцев составляла 21%, в 1980 г. – 39%, в 2000 г. – 55% (однако среди менеджеров высшего звена сохранилось преобладание мужчин). В начале XXI века женщины по численности превзошли мужчин в совокупной группе специалистов умственного труда (врачи, преподаватели, государственные служащие, юристы и др.) [30, р. 423; 17, р. 82-85]. *Фактически в течение нескольких десятилетий, начиная с 1960-х годов, в США свершилась либе-*

ражно-демократическая гендерная революция, глубоко изменившая положение женщин в американском обществе и взаимоотношения двух полов.

На следующем этапе – с 1980-х годов до окончания президентства Дж.У. Буша – в США реанимировалась и торжествовала консервативная трактовка *равенства возможностей*, сопровождавшаяся государственной политикой и финансово-экономическими следствиями, напоминающими «позолоченный век» конца XIX века и «просперити» 1920-х годов. Консерватизм в эту эпоху выступил в радикальной форме *неоконсерватизма*. Взявшая его на вооружение Республиканская партия объявила целью обеспечение максимальной свободы бизнесу, энергичное свёртывание программ помощи нижним социальным слоям и пенсионерам. Консервативным индикатором *равенства возможностей*, как и в 1920-е годы, выступало приближение к плоской шкале налогообложения. В наибольшей степени к этой цели был близок президент Р. Рейган. Две его налоговые реформы снизили верхнюю ставку подоходного налога с 70 до 28%, а нижнюю повысили с 14 до 15%. У. Клинтон в 1990-е годы повысил верхнюю ставку до 39,6%, но Дж.У. Буш снизил её в 2000-е до 35%. Сокращение социальных расходов, начатое при Р. Рейгане, было продолжено даже при У. Клинтоне, присягнувшем *новому либерализму*, более умеренному варианту, нежели либерализм Рузвельтовский [4, с. 420–427].

Эти и другие консервативные меры государства принципиально изменили модель распределения национального богатства, сформировавшуюся при Ф.Д. Рузвельте. Если в 1930–1970-е годы происходило сужение разрыва в доходах верхних и нижних слоёв, то затем началось его новое расширение (см. табл. 2).

Таблица 2

Процентная доля американских домохозяйств в национальном доходе в 1980–2005 гг.

Год	Нижняя пятая	Вторая пятая	Средняя пятая	Четвёртая пятая	Верхняя пятая	Верхние пять процентов
1980	4,2	10,2	16,8	24,7	44,1	16,5
1990	3,8	9,6	15,9	24,0	46,6	18,5
1995	3,7	9,1	15,2	23,3	48,7	21,0
2000	3,6	8,9	14,8	23,0	49,8	22,1
2005	3,4	8,6	14,6	23,0	50,4	22,2

Statistical Abstract of the United States 2011. Washington, 2010. P. 454.

Ещё более разительны другие данные, относящиеся к росту богатства крупного корпоративного бизнеса. В конце XX – начале XXI века 22 тыс. американских корпораций, т.е. 0,4% их общего числа, получали ежегодную прибыль в 50 и более миллионов долларов и в совокупности имели около 70% доходов всех корпораций. В то же время 4 млн. корпораций, т.е. 80% общего числа, получали прибыль менее 1 млн. долл. каждая и их совокупный доход составлял 5% от дохода всех американских корпораций. 500 крупнейших американских корпораций имели совокупный доход, равный примерно 60% прибыли всех 5 млн. корпораций. Разрыв между банковской элитой и основной массой банков ещё более разителен. В Соединённых Штатах к началу XXI века насчитывалось 12 тыс. банков, но 25 крупнейших среди них сосредоточили половину всех депозитов. А три банка-гиганта сконцентрировали одну треть всех банковских активов. Тенденция концентрации богатства в руках крупнейших соб-

ственников нашла отражение в росте числа миллиардеров. После Второй мировой войны долларовых миллиардеров в США ещё не было, в начале 1980-х годов их насчитывалось 13, в начале 1990-х – более 70, в 2000 г. – 274, а в 2007 г. – 469 [13, р. 30]. (Данные за 2007 г. приведены по «Российской газете» за 7 марта 2008 г.) О концентрации экономической власти в руках самого богатого одного процента американцев свидетельствует и то, что они сосредоточили в своих руках 56,5% всего акционерного капитала, т.е. больше, чем приходится на долю остальных 80 млн. акционеров. При этом верхняя половина одного процента самых богатых вкладчиков владела 49,3% акционерного капитала корпораций США [19, р. 168].

Среди верхнего слоя бизнеса наиболее впечатляющим, в сравнении с предыдущими эпохами, выглядело обогащение высшего звена корпоративных управляющих. На рубеже XX–XXI веков среднегодовой доход управляющих (*chief executive officer*) крупных американских корпораций достиг 12 млн. долл. Это в 475 раз выше средней зарплаты промышленного рабочего (для сравнения: в Германии данное соотношение равно 13, а в Японии – 11). Рекорд годового дохода управляющего, установленный в 2000 г., равнялся 650 млн. долл. [13, р. 30–32].

Согласно заключению известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии П. Кругмана, реалии современной Америки радикально искажали классическую модель *равенства возможностей*. Богатые богатели всё быстрее безотносительно к их заслугам, а у нижних и даже средних слоев оказывалось всё меньше шансов не только подняться по социальной лестнице, но даже обеспечить достойное существование своим семьям, что было возможно в пострузвельтовские десятилетия [3, с. 17, 137–147].

Кроме того, по заключению Кругмана, как и большинства других либеральных учёных и аналитиков, карт-бланш, выданный неоконсервативными властями бизнесу, имел прямое отношение к крупнейшему после 1929 г. финансово-экономическому кризису, начавшемуся в 2008 г. В банковской сфере и на фондовых рынках нарастали финансово-спекулятивные махинации, напоминавшие реалии 1920-х годов, но гораздо более масштабные и изощрённые. Российские исследователи современной экономики США сделали следующие наблюдения: «...Наиболее популярным объектом для спекуляций стал венчурный капитал. Новый подход к бизнесу состоял в том, чтобы выдумать некий инновационный проект, обосновать его высокую будущую прибыльность и на этой основе привлечь инвестиции (сначала путём публичного предложения акций, затем с помощью дополнительной эмиссии акций и повышения их курсовой стоимости). Эта процедура применялась многократно... В результате в американской экономике... сформировался мощный финансово-спекулятивный “пузырь”, который современными американскими экономистами определяется как “торговля огромными количествами экономических благ по ценам, значительно превышающим их стоимость”» [1, с. 6–7]. Финансово-спекулятивные «пузыри» первоначально наиболее активно возникали в сфере информационных технологий, а затем в строительстве. Цены на жильё вздулись гораздо выше себестоимости. Американцы, которые в соответствии с национальной мечтой хотели жить в собственном доме, залезали в долги с высочайшим риском неминуемого банкротства для себя, для строительной отрасли и ипотечного бизнеса. С помощью финансово-спекулятивных «пузырей» банкам, финансистам и топ-менеджерам удалось сколотить баснословные состояния, но, как отметил один из экономических авторитетов, то было «иррациональное изобилие».

Барак Обама пришёл в 2008 г. к власти, предложив в качестве одного из приоритетов исправление губительного неоконсервативного перекоса, резкое повышение социальной ответственности бизнеса, восстановление демократического варианта равенства возможностей в сферах как производства, так и распределения. На наших глазах происходит жёсткая схватка неоконсервативного бастиона Республиканской партии и прогрессистского крыла демократов. Б. Обама добился принятия закона о государственном медицинском страховании десятков миллионов обездоленных американцев, но неоконсерваторы заблокировали повышение налогов на сверхбогатых. В результате бюджетные расходы, дефицит и государственный долг США многократно увеличились, что крайне затрудняет выход из жесточайшего финансово-экономического кризиса.

Подведём итог. *Равенство возможностей*, одна из основополагающих ценностей американской цивилизации, несмотря на кажущуюся её однозначность, наполнялась на разных исторических этапах разным содержанием. Среди представлений о *равенстве возможностей* в США главными были два: *элитарно-консервативное* и *либерально-демократическое*. Первое настаивало на естественно-конкурентном распределении возможностей достижения целей, преследуемых индивидуумом; второе утверждало, что *равенство возможностей* может быть гарантировано только при активном участии государства в его поддержании и совершенствовании. Первая трактовка соответствовала позициям верхних групп общества, наделённых в силу естественных или социальных причин выигрышными *стартовыми возможностями* (рождение в богатой семье, принадлежность к белой расе и др.), а вторая отвечала интересам принижённых статусных слоёв и групп. Приход к политической власти партий, отражавших позиции последних, способствовал выравниванию возможностей *социального лифта* в интересах нижних социальных слоёв, чернокожих, иммигрантов, женщин. Но это не было равнозначно непосредственному уравниванию собственности и капиталов. Разделение на три экономических класса – верхний, средний, нижний – неизменно сохранялось. Оно же неизменно консервировалось и углублялось, а продвижение на верхние социальные этажи резко тормозилось, когда у власти оказывались партии, абсолютизовавшие значение естественно-конкурентного, без участия власти, распределения возможностей и статусов, имеющих в обществе.

Список литературы

1. *Васильев В.С., Роговский Е.А.* Грядущая финансовая турбулентность // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 3.
2. История США. В четырёх томах. М., 1983–1987.
3. *Кругман П.* Кредо либерала. М., 2009.
4. *Согрин В.В.* Исторический опыт США. М., 2010.
5. *Согрин В.В.* Прогрессивная эра в США. Современное прочтение // Американский ежегодник 2011. М., 2011.
6. *Berle A., Means G.C.* The Modern Corporation and Private Property. New York, 1933.
7. *Billington R.A., Ridge M.* Westwood Expansion. A History of the American Frontier. New York, London, 1982.
8. *Burch P.H. Jr.* Elites in American History. Vol. 2. The Civil War to the New Deal. New York, 1981.

9. *Chinard G.* Thomas Jefferson: The Apostle of Americanism. Boston, 1946.
10. *Clements K.A.* The Presidency of Woodrow Wilson. Lawrence (Kansas), 1992.
11. The Collected Works of Abraham Lincoln: Vols. 1-9 / Ed. by R.F. Basler. New Brunswick (N.Y.), 1953-1955.
12. A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents 1789-1902. Vols. 1-12 / Ed. by J.D. Richardson. Washington, 1903.
13. *Dye Th.R.* Who's Running America? The Bush Restoration. Upper Saddle River. New York, 2002.
14. Encyclopedia of American Economic History / Ed. by G. Porter. Vols. 1-3. New York, 1980.
15. *Goldberg R.A.* America in the Twenties. Syracuse (N.Y.), 2003.
16. Historical Statistics of the United States. Washington, 1976.
17. *Katz M.B., Stern M.J.* One Nation Divisible: What America Was and What It Is Becoming. New York, 2006.
18. *Kelly A.H., Harbison W.A.* The American Constitution. Its Origins and Development. New York, 1970.
19. *Kerbo H.R.* Social Stratification and Inequality. Class Conflict in Historical and Comparative Perspective. New York, 1996.
20. *LaFeber W., Polenberg R., Woloch N.* The American Century. A History of the United State Since 1890's. New York, 1986.
21. *McElvaine R.S.* The Great Depression. America 1929-1941. New York, 1984.
22. Nothing to Fear: The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt. 1932-1945. Cambridge, 1946.
23. The Papers of Alexander Hamilton. Vols. 1-26 / Ed. by H.C. Syrett. New York, London, 1961-1979.
24. The Papers of Thomas Jefferson / Ed. by J. Boyd et al. Princeton, 1950-.
25. *Pessen E.* Social Mobility // Encyclopedia of American Economic History / Ed. by G. Porter. Vols. 1-3. New York, 1980.
26. Public Papers and Addresses of Franklin Delano Roosevelt / Ed. by S.I. Rosenman. Vols. 1-13. New York, 1938-1950.
27. *Roosevelt F.D.* Looking Forward. New York, 1933.
28. *Schlesinger A., Jr.* The Age of Roosevelt. Vols. 1-3. Boston, 1957-1960.
29. *Sobel R.* Coolidge. An American Enigma. Washington, 1998.
30. Statistical Abstract of the United States 2003. Washington, 2003.
31. Statistical Abstract of the United States 2011. Washington, 2010.
32. *Wilson W.* The New Freedom. New York, 1913.